

Диана
Чемберлен

Диана Чемберлен

ДУРОЧКА,

ИЛИ КАК Я СТАЛА МАТЕРЬЮ

Москва 2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ч-42

Diane Chamberlain
KISS RIVER

Copyright © Diane Chamberlain, 2003.
This edition published by arrangement
with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Н. Лебедевой*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Чемберлен, Диана.

Ч-42 Дурочка, или Как я стала матерью / Диана Чемберлен ; [пер. с англ. Н. Лебедевой]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Роман-потрясение. Д. Чемберлен).

ISBN 978-5-699-84397-8

Джина Хиггинс находит личный дневник своей бабушки, который та вела во время войны. Из него следует, что в юности она влюбилась в юношу, оказавшегося немецким шпионом, а ее скорый брак со школьным учителем был всего лишь попыткой скрыть беременность. Джина приезжает в закрытый приморский городок, где, по слухам, живет ее настоящий дед Уолтер. Доказательства того, что он — шпион и, возможно, убийца, до сих пор покоятся на морском дне. Джина решает поднять улики со дна, чтобы не только почтить память бабушки, но и решить одну личную проблему...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-84397-8

© Лебедева Н., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

*Посвящается Хасине и другим детям,
которые еще ждут
своих приемных родителей*

1

Кондиционер в ее старенькой машине тянул из последних сил, обдувая лицо Джины душным, теплым воздухом. В другое время она наверняка ощутила бы ужас от мысли о том, во что ей обойдется ремонт кондиционера. Теперь же она просто открыла окно, позволив ворваться внутрь солончатому морскому воздуху. Очень скоро порывы влажного ветра спутали ее длинные волосы, превратив их в беспорядочную копну завитков. Другая на ее месте наверняка постаралась бы прибрать непокорные пряди, но Джина даже не шевельнулась. Проведя шесть дней в безостановочной езде, шесть ночей в тревожном сне в тесной машине, совершив несколько походов в незнакомые фитнес-клубы, где она тайком спешила принять душ, и съев бесчисленное количество дешевых гамбургеров, Джина наконец-то добралась до места. Река Поцелуев была совсем рядом — в воздухе уже ощущался пряный аромат ее вод.

Джина въехала на мост, который оказался очень длинным и был к тому же плотно забит машинами. Что ж, этого стоило ожидать. Стоял конец июня, а направлялась она не куда-нибудь, а к Внешним отмелям Северной Каролины¹ — месту, которое неудержимо влекло к себе туристов со всей страны. Скорее всего, найти комнату для ночлега тоже будет непросто. Об этом Джина даже не подумала. Она привыкла

¹ Внешние отмели (*англ.* Outer Banks) — 320-километровая полоса узких песчаных барьерных островов побережья Северной Каролины, начинающихся у юго-восточного края Вирджиния-Бич Восточного побережья США.

к Тихоокеанскому побережью — к северо-западной его части, скалистой и неприступной. Вода тут была слишком холодной, чтобы купаться, а снять комнату на пару дней никогда не составляло проблемы.

Машины двигались так медленно, что она могла без труда просматривать карту, лежавшую прямо на руле. После моста автомобили ползли с милю или около того мимо местной школы и парочки торговых центров, а затем две трети их свернули направо, на шоссе 12. Джина повернула налево и оказалась в районе, который именовался на карте Южным побережьем.

Откуда-то справа сквозь открытое окно до нее доносился шум океана. Волны бились о причал за стеной домов, представлявших собой весьма пеструю смесь: новые крупные постройки чередовались со старыми коттеджами и домиками с плоскими крышами. Несмотря на плотный поток машин, Внешние отмели здесь представляли собой одно бескрайнее пустое пространство — совсем не то, чего можно было ожидать после чтения дневника. В дневнике, впрочем, говорилось вовсе не о Южном побережье. Дорога все петляла и петляла, и в скором времени по обочинам ее стали появляться дубы и еще какие-то растения — их Джина видела впервые. Судя по карте, она приближалась к деревушке Дак, до которой Джине, собственно, не было никакого дела. После деревни ей предстояло проехать через местечко под названием Сондерлинг, а затем — через территорию заповедника. Ну а после этого она должна была увидеть знак, указывающий на поворот к Реке Поцелуев... Точнее, к ее маяку. Джина знала, что до маяка ей ехать еще не одну милю, но продолжала посматривать на небо в надежде разглядеть за деревьями каменную башню. Она понимала, что с такого расстояния ей вряд ли удастся увидеть маяк, но время от времени все же всматривалась в пространство.

На то, чтобы полюбоваться достопримечательностями деревушки, у нее ушло куда больше времени, чем хотелось бы, поскольку машины продвигались здесь еле-еле. Если поток в скором времени не рассосется, на место она прибудет уже в полной темноте. Джина рассчитывала добраться до Реки Поцелуев к пяти. Было уже семь, и солнце неумолимо клонилось к горизонту. Что, если маяк закрывают на ночь для посещений? Да и открыт ли он вообще? И в какое время там включают свет? Она бы здорово расстроилась, окажись вдруг, что маяк больше не работает. Ей очень хотелось посмотреть, как он освещает местность каждые четыре с половиной секунды. Если даже посетителям разрешают подниматься на маяк, вряд ли их пускают в световую камеру. Но ей, так или иначе, придется туда пробраться. Лишь недавно она обнаружила, что наделена незаурядной способностью лгать. Всю жизнь Джина ценила честность и прямоту, а тут оказалось, что ей нет равных в искусстве обмана. При необходимости ей ничего не стоило выйти за рамки закона. В первый раз пробравшись в незнакомый фитнес-клуб, чтобы принять душ, она дрожала от страха. Ее пугала не столько возможность попасться, сколько бесчестность такого поступка. Но к тому моменту, когда она проникла в клуб в Норфолке, она практически забыла о том, что не имеет к нему никакого отношения. Цель оправдывает средства — именно эти слова стали отныне ее девизом.

А потому, если доступ к фонарю закрыт, она что-нибудь придумает, чтобы попасть внутрь. В конце концов, именно для этого она сюда и приехала. Она побеседует с кем-нибудь из зрителей или экскурсоводов и сочинит что-нибудь убедительное. Она проводит исследования, вот что она им скажет. Она пишет о маяках. Или делает фотографии. Джина коснулась фотоаппарата, висевшего у нее на шее, — она позаимствовала его перед тем, как отправиться в путь. Словом,

она что-нибудь непременно придумает. Ей просто необходимо было увидеть огромный глобус из стеклянных призм — так называемые линзы Френеля.

Путь через заповедник тянулся до бесконечности, но затем поток машин стал иссякать: автомобили один за другим сворачивали к домам, расположенным у пляжа. Следуя своим путем, Джина продолжала изучать карту. Где-то здесь должен быть знак, указывающий дорогу к маяку. Ей предстоит повернуть направо, проехав через рощицу из сосен и дубов. Не исключено, впрочем, что окрестности здорово изменились с момента написания дневника. Вполне возможно, что деревья давно успели вырубить, и теперь вдоль дороги тянутся одни лишь туристические коттеджи.

Наконец она заметила узкую колею, протянувшуюся на восток в гущу деревьев. Съехав на обочину, Джина вновь принялась изучать карту. Здесь не было никакого знака, никакого указания на то, что путь ведет в нужном ей направлении, но даже на карте отчетливо просматривался выступ, в который упиралась дорога. На самом деле на Реке Поцелуев не было никакой реки — лишь мыс с этим причудливым названием да сам маяк. Последний, кстати, должен был служить хорошей приманкой для туристов. Так почему же здесь нет никакого знака?

А не проехать ли ей чуть дальше по главной дороге, чтобы поискать другой, не столь сомнительный поворот? Мысль эта мелькнула в голове у девушки всего лишь на мгновение. Знак просто сдуло ветром. А может, его задела проезжавшая мимо машина. Доверившись карте, Джина все-таки свернула на узкую дорогу.

Внезапно та круто ушла влево, прямо под тень деревьев. Извилистый путь был изрыт колдобинами, и ехать приходилось в полутьме, поскольку свет практически не проникал в эту чащу. Сквозь открытое окно Джина слышала стрекот

сверчков и кваканье лягушек. А может, кого-то еще, столь же громкого и назойливого.

Дорога внезапно оборвалась прямо посреди леса. Затормозив, Джина включила верхний свет. Этот тупик был отмечен и на карте. Узкая полоска вела от него к маяку. Взглянув налево, Джина увидела посыпанную гравием дорогу, поперек которой висела тяжелая проржавевшая цепь. К цепи крепилась табличка: «ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН».

Только этого не хватало, подумала она. С какой стати такие строгости? Даже если сам маяк закрыт для публики, прилегающая к нему территория наверняка свободна для посещения. Как и домик смотрителя.

Джина бросила взгляд на карту. Другой такой дороги, заканчивающейся тупиком, на ней просто не было. Вздыхнув, она вновь взглянула на посыпанную гравием дорожку. Путь выглядел мрачным, неухоженным и на редкость негостеприимным.

Джина никогда не считала себя безрассудно храброй, хотя за последние несколько месяцев обнаружила в своем характере мужество, о котором прежде и не подозревала. Медленно выбравшись из машины, она заперла за собой дверцу. В багажнике лежал фонарь, но батарейки сели еще в Кентукки, так что она отправилась в путь, прихватив с собой лишь карту и фотокамеру.

Один конец цепи крепился к дереву, а второй был пристегнут к столбу. Обогнув столб, Джина зашагала по дорожке из гравия. Даже если это не та дорога, сказала она себе, чего ей бояться? Спору нет, она может вывихнуть лодыжку, попав ногой в одну из ям или споткнувшись о корень, которые во множестве проступали из-под земли. Вероятнее всего, однако, она просто набредет на чье-то укромное жилище. В этом случае она с готовностью извинится и попросит указать ей путь к маяку. Но тут она вспомнила про лошадей. В этих

местах водились дикие лошади. И кабаны. Судя по дневнику, встреча с ними не сулила ничего хорошего. Джина буквально превратилась в слух. В любой момент до нее мог донестись топот копыт или треск ломающихся веток. Успеет ли она забраться на одно из этих старых деревьев?

Но вокруг было тихо — даже шум машин умер где-то вдали. И только неугомонные сверчки — или кто-то там еще — оглашали лес своим дружным стрекотом. Только тут до Джини дошло, что возвращаться ей придется этой же дорогой, причем уже в полной темноте.

Сколько она уже прошла? Видимо, не больше четверти мили. Остановившись, Джина внимательно всмотрелась вперед. На карте дорога выглядела совсем короткой, и к этому моменту над деревьями уже должна была проступить верхушка маяка. Пройдя еще с десяток метров, она расслышала глухой, монотонный гул. Не иначе как океан. Чувствовалось, что волны бились где-то рядом.

Дорога повела направо. Лес начал редеть, и сквозь ветви деревьев проглянуло небо. Джина ускорила шаг и, неожиданно для себя оказалась на маленькой парковке, густо засыпанной песком. Что это, парковка для посетителей, которые раньше съезжались к маяку? В одном Джина уже не сомневалась: по какой-то причине свет Реки Поцелуев теперь стал недоступен для публики.

Сквозь кусты и деревья, окружавшие парковочную площадку, она разглядела белую кирпичную стену какой-то постройки. Должно быть, маяк. Джине хватило одного взгляда, чтобы понять: тут что-то неладно. Она поспешила по узкой дорожке, торопливо разводя руками ветви деревьев. Еще пара шагов, и она замерла, в ужасе глядя перед собой. «Нет, — вырвалось у нее. — *Только не это*».

Маяк высился прямо над ней, но верхушки у него не было. Световая камера исчезла, и вся башня составляла при-

близительно три четверти от первоначального размера. Присмотревшись, Джина разглядела несколько железных ступенек — те торчали поверх зазубренного края башни.

Опустошенность, которую она ощутила в тот момент, не шла ни в какое сравнение с обычным разочарованием. Неудивительно, что в окрестностях не было ни одной живой души. Скорее всего, это океан разрушил маяк: волны и сейчас настойчиво бились в основание башни, хотя прилив, судя по всему, еще не успел достичь пика. *Шторм*, в отчаянии подумала Джина. *В этом виноват проклятый шторм.*

Паника подкатила быстро и незаметно. Она проделала такой долгий путь, и ради чего? Надежды оказались пустыми. Джина прикрыла глаза, стараясь унять нервную дрожь. Соленые брызги били ей в лицо, а в ушах звучал равномерный плеск волн.

Стоило ей сделать пару шагов в сторону башни, и слева показалась двухэтажная постройка. Домик смотрителя. Заброшен, должно быть, давным-давно. Правда, окна, как ни странно, были не заколочены, а на широкой веранде красовались два белых стула.

Джина вновь взглянула на башню, а затем, сбросив сандалии, ступила в воду. Та оказалась неожиданно холодной, так что у Джины даже перехватило дыхание. Ноги вязли в песке, а волны плавно поднимались до ее колен, чтобы в следующее мгновение вновь опуститься до щиколоток.

Она вскарабкалась по лестнице, ведущей в вестибюль башни. Разочарование, вызванное отсутствием световой камеры, смешивалось с радостью от того, что она наконец-то оказалась внутри маяка. Как же хорошо она знала это место! Ей было известно, что вход в вестибюль когда-то закрывала дверь, хотя с тех пор от нее не осталось и следа. Еще Джина знала, что в самой башне обитали птицы. И точно: стоило ей ступить пару шагов, как сверху послышался шум крыльев.

Из вестибюля она попала в круглую комнату, где было гораздо прохладнее, чем снаружи. Пол покрывали черно-белые ромбики кафельной плитки, а возле одной из стен высилась железная лестница. Бросив сандалии на пол, Джина решительно полезла наверх.

Ступеньки были не сплошными, а решетчатыми, что позволяло ей видеть сероватое небо над головой и тускло освещенный пол под ногами. Вьющаяся по спирали лестница понемногу сужалась, так что сердце у Джины колотилось все быстрее. Ей всегда было не по себе на высоте. Вот и теперь, отдыхая на очередной площадке, она нервно прижималась к кирпичной стене. Сквозь узкие окошки, расположенные вдоль площадок, виднелся домик смотрителя. Пара минут отдыха, и Джина вновь пускалась в путь. Она крепко держалась за перила, не решаясь больше смотреть вниз.

На самом верху башни зияла открытая дыра. Лестница между тем поднималась еще на пару метров, так что верхушка ее одиноко торчала на фоне вечернего неба. Джина устало прислонилась к стене. Сердце ее бешено колотилось — не столько от изнеможения, сколько от страха. Хватит ли у нее духу подняться еще выше? Тогда она могла бы усестись на верхней ступеньке и взглянуть оттуда на океан. А вдруг окажется, что линзы лежат прямо на мелководье, у подножия башни?

Усилием воли она сделала шаг, затем другой, двумя руками цепляясь за перила. Добравшись наконец до самого верха, она опасливо присела на последнюю ступеньку. Весь мир лежал у ее ног. Океан тянулся вдаль огромным синеватым ковром. Толстая стена маяка выглядела так, будто ее жевало какое-то гигантское чудище, оставившее после себя зазубренные осколки кирпича.

Ну и что ей теперь делать?

Стараясь не терять равновесия, Джина слегка отклонилась влево и вытащила из кармана шорт фотографию. С фото на

нее смотрела маленькая девочка. Слишком маленькая для годовалой — а ведь именно в этом возрасте был сделан снимок. Карамельного цвета кожа. Короткие иссиня-черные волосы. Большие темные глаза, полные печали и надежды.

Джина поспешно зажмурилась, ощутив подступившие слезы. «Я обязательно что-нибудь придумаю, детка, — промолвила она. — Обещаю тебе».

Она еще долго сидела на ступеньке, наблюдая за тем, как угасает день. Мысли ее все время возвращались к девочке, запечатленной на снимке. Она не думала о том, как будет спускаться по этой шаткой лестнице в вечерних сумерках и как побредет к своей машине по темнеющему лесу. Не заботило ее и то, как ей найти комнату в местечке, запруженном толпами туристов, да еще в пятницу вечером.

Должно быть, она все-таки немного повернула голову, поскольку что-то вдруг привлекло ее внимание. Джина повернулась и онемела от изумления: окна в доме зрителя переливались витражным светом.

2

Клэй О'Нил остановил свой джип у проржавевшей цепи. Достав ключ, он выбрался из машины, открыл навесной замок, а затем перетащил цепь на одну сторону дороги. Как там, сестра уже дома? Был вечер пятницы. Лэйси в это время ходила на встречи «Анонимных алкоголиков». Что ж, он оставит цепь открытой — избавит сестру от необходимости снова возиться с замком.

Уже вернувшись в джип, он заметил на противоположной стороне тупичка чью-то машину. Должно быть, кто-то припарковался здесь, а затем пошел к пляжу через лес. Стоило ему, впрочем, выехать на гравийную дорогу, как он напрочь